РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый М. Катковымъ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и Ко.

1861.

ВОСПОМИНАНІЯ

ИНСТИТУТСКОЙ ЖИЗНИ

. . . Недавно случилось мнѣ встрѣтиться съ тремя бывшими сверстницами по М. Е. институту. Мы не видались съ самаго выпуска, и теперь, вмѣстѣ, какъ-то живѣе припоминалось старое время.

Это старое время ушло очень далеко. Мы кончили курсъ около шестнадцати лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ уже всѣми нами прожита лучшая часть жизни, и у каждой изъ насъ она вышла такая особенная, такая непохожая на жизнь другой, и такъ мы стали несходны ни въ характерахъ, ни въ образѣ мыслей, ни въ малѣйшемъ движеніи,—что невольно обратились къ прошлому. Казалось, каждая, не узнавая другъ друга, хотѣла допроситься у этого прошлаго, почему жь не осталось между нами хоть тѣни, хоть самой маленькой тѣни сходства? Шесть лѣтъ подъ одною кровлей, единственно отданныхъ воспитанію, совершенное равенство этого воспитанія, глубоко обдуманнаго, строго выполненнаго, и съ такою опредѣленною цѣлью—приготовить будущихъ членовъ семейства, общества... Казалось, какъ бы не уцѣлѣть хоть общимъ чертамъ этого приготовленія? Если не изъ чего другаго, то

мы должны были бы сохранить ихъ изъ гордости. Институтъ нашъ—заведеніе первоклассное, стоитъ выше всѣхъ частныхъ пансіоновъ, выше другихъ институтовъ. У насъ допускаются только самыя благородныя дѣвицы, только одной шестой дворянской книги. Ясно, что это правило всегда имѣло цѣлью украшать верхушки общества такими представительницами, которыя могли бы служить примѣромъ женщинамъ болѣе смиреннаго круга. Ясно, что для выполненія этой цѣли были потрачены на насъ всевозможныя заботы. Мы, конечно, должны были оправдать ихъ, выйдти тѣмъ, чѣмъ въ институтѣ желали, чтобы мы вышли. Институтскія правила и складъ должны были бы сберечься въ насъ, какъ неоцѣненный даръ, чрезъ всѣ житейскіе перевороты. Намъ бы слѣдовало узнавать другъ друга съ полуслова. Но вышло иначе. Встрѣтясь, мы замѣтили, что стали такъ разнохарактерны, какъ будто учились на противоположныхъ концахъ земнаго шара.

Странно, эта встрѣча была похожа на первую, когда насъ, «новенькихъ», только что свозили учиться тоже съ разныхъ концовъ родины... Изъ глубины пустынныхъ деревень, изъ уѣздныхъ городовъ и губернскихъ, и тутъ же, изъ переулковъ и аристократическихъ улицъ самой Москвы, родители привозили дѣвочекъ. Святилище знанія гостепріимно растворяло предъ ними двери...

Какое далекое время! Съ тѣхъ поръ, конечно, многое измѣнилось въ институтѣ. Не знаю; съ самаго выпуска мнѣ не удалось быть тамъ ни разу...

Я была своекоштная, или, какъ говорятъ у насъ, «своя». Своекоштныя съѣзжались раньше казенныхъ; тѣ должны были поступить по баллотировкѣ, въ августѣ, послѣ лѣтней вакаціи. Нѣкоторыхъ «своихъ» отдавали еще въ февралѣ и мартѣ, то-есть въ самое время выпуска кончившихъ курсъ и перемѣщенія меньшаго класса на ихъ мѣсто въ старшія отдѣленія. Въ то время институтскій курсъ раздѣлялся такимъ образомъ: два класса, меньшой и старшій; въ каждомъ ученицы должны были пробыть по три года; въ классахъ по три отдѣленія, 1-е, 2-е и 3-е въ старшемъ, и 4-е, 5-е и 6-е въ меньшемъ. Пріемной программы для поступленія не было. Если «новенькая» дѣвочка, казалось, знала что-нибудь, особливо если говорила порядочно по-французски или по-нѣмецки, и къ тому же, имѣла выдержанныя манеры, ее сажали въ четвертое отдѣленіе. Минутъ пять экзамена рѣшали дѣло. Изъ этого четвертаго

отдѣленія, высшаго по наукамъ въ маленькомъ классѣ, дѣвицы прямо переходили въ первое отдѣленіе старшаго. Туда же онѣ уводили съ собою и своихъ классныхъ дамъ, на всѣ остальные три года. Дѣвочекъ, смотрѣвшихъ робко, съ намеками на знаніе священной исторіи и французскихъ словъ, съ физіономіями, обѣщавшими почему-то исправиться, сажали въ пятое отдѣленіе, откуда онѣ шли во второе. Дѣвочекъ, съ физіономіями совсѣмъ тусклыми или уже некстати острыми, когда всѣ ихъ познанія заключались въ одной грамотѣ, такихъ дѣвочекъ отводили въ шестое отдѣленіе. Оттуда всѣ онѣ, съ рѣдкими исключеніями, переселялись въ третье отдѣленіе, и клеймились грустнымъ прозвищемъ *дриттокъ*. Тамъ программа ученія едва равнялась съ программой высшаго отдѣленія маленькаго класса. Было еще въ институтѣ крошечное отдѣленіе, седьмое, куда помѣщали совсѣмъ безграмотныхъ, или крошекъ, которымъ суждено было пробыть девять и больше лѣтъ вмѣсто шести. Послѣднія еще достигали почетныхъ скамеекъ, но первыя непремѣнно кончали *дриттками*. Такимъ образомъ всѣ дальнѣйшія познанія дѣвицъ зависѣли все-таки отъ того, чему дѣвочку выучили прежде, дома, а между тѣмъ, институтъ не требовалъ никакого приготовленія заранѣе, ни по какой программѣ. Институтъ вполнѣ бралъ на себя обязанность выучить насъ такъ, какъ лучше уже не могутъ быть выучены женщины въ Россіи...

Насъ привозили, но пора стояла хлопотливая, шумная; готовился выпускъ, а наше время было все впереди. Насъ, кое-какъ, въ наглядку, разсадили покуда съ воспитанницами, которыя недѣли черезъ двѣ-три, должны были уйдти въ старшія отдѣленія.

Я попала въ четвертое. Первое мое впечатлѣніе было ужасно смутно. Опредѣлить его едва ли не труднѣе чѣмъ вспомнить первыя сознательныя минуты ранняго дѣтства... Длиннѣйшіе корридоры, огромнѣйшія залы, безконечные дортуары, лѣстницы и лѣстницы, — просторъ и неуютъ послѣ домашней тѣсноты; запахъ куренія уксусомъ, и съ нимъ еще другой, кислый съ сыростью, отъ мокрыхъ половъ, вымытыхъ шваброю, — запахъ, который съ первой минуты на вѣки остался у меня въ памяти, и почему-то сталъ неразлученъ съ мыслью обо всемъ казенномъ... Я убѣдилась, что я въ другомъ мірѣ, а о томъ, гдѣ жила прежде, уже и думать нельзя, да его уже и вовсе нѣтъ; я даже ни о чемъ не жалѣла. Покуда меня вели къ директрисѣ, я оглядывалась на однообраз-

ную, безпредѣльную желтую краску стѣнъ, и (какъ теперь помню) мнѣ вообразилось, что это должно быть такое мѣсто, гдѣ ничего не ѣдятъ. Лицо директрисы мнѣ очень понравилось. Я никогда, ни прежде, ни послѣ, не встрѣчала почтенной женщины прекраснѣе ея. У нея былъ гордый видъ, но онъ не отталкивалъ, а напротивъ, подчинялъ себѣ невольно. Она очень мило сморщила на меня брови, улыбнулась покровительственно и ласково, и кликнувъ какую-то пепиньерку, игравшую въ ея залѣ на фортепіяно, велѣла отвести меня въ классъ. Мать моя оторопѣла за меня. Это была минута разлуки. Мать робко заплакала, я ее цѣловала почти равнодушно. Отъ взгляда ли чужаго лица, отъ чужихъ ли комнатъ кругомъ, только во мнѣ не осталось никакого чувства. Я даже не замѣтила, какъ уѣхала моя мать. Директриса сама подала ей знакъ прощанья.

Меня увели въ четвертое отдѣленіе. Мой приходъ прервалъ на минуту урокъ; сдѣлалось маленькое замѣшательство. Солнечный свѣтъ ударилъ мнѣ въ глаза,—я ничего не могла разобрать. Пепиньерка сказала что-то кому-то сидѣвшему въ простѣнкѣ; оттуда вышла дама и взяла меня за руку. Она стала тихонько протискивать меня между сидѣвшими дѣвицами и ихъ пюпитрами, и наконецъ сказала: «ici». Я сѣла. Съ обѣихъ сторонъ на меня глядѣли сосѣдки, бѣленькія, въ бѣленькихъ фартукахъ и съ голыми шейками. Мое пестрое платьице, казалось, имъ не нравилось. Помню, однако, что оно было сшито по модѣ, а зеленыя камлотовыя платья на дѣвицахъ были вовсе немодны... Кое-какъ, однако, я осмотрѣлась. Классная комната была далеко не нарядна; желтыя штукатурныя стѣны, обвѣшанныя плохими ландкартами; двѣ черныя доски на станкахъ, исчерченныя мѣломъ, и ряды скамеекъ съ пюпитрами, горою вовзвышавшіяся отъ средины комнатъ до стѣны. Скамейки, выкрашенныя темнозеленою краской, смотрѣли немного мрачно... Въ простѣнкѣ былъ такой же крашеный столикъ, и за нимъ сидѣла классная дама; другой столикъ стоялъ посреди комнаты; и за нимъ сидѣлъ учитель. Дѣвицы, на скамейкахъ впереди меня, смотрѣли не шевелясь на учителя. Я вглядывалась, какъ искусно были онѣ причесаны, въ двѣ косички, когда надъ моимъ ухомъ произнесли: «ecoutez le maître, mademoiselle...» Классная дама воздушно проходила между рядами.

Я начала слушать. Шелъ урокъ русскаго языка. Учитель, краснощекій, плотный старикъ съ черными бровями, объяснялъ что-то, и вдругъ сказалъ: «г-жа Мезинцева.»

Я обернулась и чуть не ахнула. Рядомъ съ дѣвицей, ставшею на самой высокой скамейкѣ, чтобъ отвѣчать, сидѣло маленькое существо, отъ котораго была видна одна голова. Это была моя кузина, Варенька Г.

Мы жили въ одномъ губернскомъ городѣ, и я знала, что Вареньку тоже отдаютъ въ институтъ; но ея родные прежде насъ уѣхали въ Москву. Варенька, какъ она сказала мнѣ потомъ, поступила только часомъ раньше меня. Съ высоты своей скамейки она увидала мой взглядъ и весело кивнула мнѣ головой. За тѣмъ, она не глядѣла на меня больше, навостривъ глаза и уши на учителя.

Варенька была дѣвочка крошечная ростомъ и прелестная собой; я ее ужасно любила. Еще дома, у нея была страсть учиться, пылкая страсть, не то что̀ наше обыкновенное дѣтское желаніе знать урокъ, чтобъ избѣжать наказанія. Книжка или серіозный разговоръ имѣли для Вареньки такую притягательную силу, что часто намъ, сверстницамъ, приходилось просто тащить ее къ себѣ, за ея длинныя косы. Она и для насъ была золото. Она устраивала намъ театры, втянувъ въ дѣло и старшихъ, сочиняла намъ піесы для этихъ театровъ, выдумывала всевозможныя игры. Безъ нея ничто не клеилось. Это былъ маленькій домашній духъ, разнообразный, умненькій и добрый; онъ обѣщалъ быть еще умнѣе и добрѣе. Варенька съ восторгомъ узнала о намѣреніи отдать ее въ институтъ; она бредила, какъ будетъ много учиться, воображала, что будетъ хватать съ неба звѣзды. Институтъ — это уже такое мѣсто, гдѣ съ нею будутъ говорить много-много, все хорошее и дѣльное, и гдѣ сама она будетъ много говорить. Счастливое, любимое и любящее дитя, Варенька все-таки торопила отца и мать отвезти ее поскорѣе. Она обѣщала, даже побожилась непремѣнно выйдти первою, то-есть достигнуть того горняго мѣста, гдѣ теперь засѣдала. Это не было ни педантство, ни гордость. Вареньке хотѣлось быть первою, потому что, какъ говорила она, первая безспорно уже все знаетъ и у нея всѣ добродѣтели,—а это такъ хорошо!

— Il faut écouter le maître, mademoiselle, повторили мнѣ.

Я было заглядѣлась на Вареньку. Клочокъ ея розоваго платьеца весело алѣлъ на солнцѣ — платьице мнѣ знакомое... Какъ бы съ ней уйдти? Кругомъ все серіозныя лица и никому до насъ дѣла...

Но первая ученица, m^lle^ Мизинцева, начала что-то громко

читать. Варенька приклеилась къ ея локтю и раскрыла ротъ. Это было сочиненіе на заданную тему: «Бѣгство Наполеона изъ Россіи». Потомъ кто-то прочелъ наизустъ: «Везувій пламень изрыгаетъ». Пробило двѣнадцать часовъ, въ корридорѣ зазвонили къ обѣду, учитель всталъ, и всѣ за скамейками ему присѣли. Классная дама скомандовала «par paires.» Мнѣ продѣли руку подъ руку моей сосѣдки...

Я рѣшительно была въ полуснѣ и все молчала. За то Варенька моя была какъ дома. Ей казалось и тепло, и привольно. Она вскочила съ лавки, поцѣловала меня, потомъ бросилась и облобызала классную даму. Удивленная дама улыбнулась и поставила ее въ пару. Послѣ я узнала, что она точно также облобызала и директрису и поручила ей, ей самой, чтобы пирожки и пряники, привезенные Варенькой изъ дома, были отнесены въ тотъ дортуаръ, гдѣ Варенькѣ назначатъ спать. Затѣмъ она опять повисла у директрисы на шеѣ. Только позднѣе, когда Варенька стала институткой, она поняла, какія натворила беззаконія...

За обѣдомъ насъ посадили возлѣ классной дамы. Я ничего не ѣла; Варенька кушала съ аппетитомъ. Она бойко разказывала классной дамѣ о своихъ родныхъ, хотя ее не разспрашивали. Дама только слушала снисходительно, а Варенька смотрѣла ей въ глаза, будто ожидая, что вотъ ее сейчасъ уже чему-нибудь научатъ. Послѣ обѣда насъ повели въ рекреаціонную залу. Это была огромная комната, совсѣмъ пустая, съ двумя, тремя скамейками, къ которымъ допускались только не совсѣмъ здоровыя дѣвицы. Вареньку обступили. Она была такая хорошенькая и любопытная, что къ кружку подошли и другія классныя дамы. Онѣ смотрѣли на Вареньку, на эту невоспитанную юность со сдержанною ужимкой, которую я поняла только въ послѣдствіи, когда у меня самой явилась такая же ужимка, когда я оцѣнила превосходство институтской manière d'être и совершенства автоматической выправки... Варенька казалась теперь маленькою шутихой. Она, моя голубушка, такъ и тараторила. Ей очень не понравилось сочиненіе первой ученицы и еще менѣе объясненія учителя, и поймавъ эту первую ученицу, она выражала свое мнѣніе: — «Что̀ такое вы написали: «подьявъ свое побѣдоносное оружіе!» Мнѣ кажется, это тяжело написано. А учитель еще приказалъ, напишите: *сей* великій полководецъ, а не *этотъ* великій полководецъ... *Сей*...

Я читала въ одномъ журналѣ, уже нынче не пишутъ, не хорошо...»

M-lle Мизинцева презрительно не отвѣчала; ей было шестнадцать лѣтъ, и она уже заранѣе, какъ и вся «первая лавка» была, зачесана не въ косички, а почетно въ косу, предвѣстницу старшаго класса. На первый разъ Варенькѣ спустили. Она, однако, не унималась. Рядомъ съ ней что-то заговорили двѣ воспитанницы, и должно быть, интересное, потому что Варенька такъ къ нимъ и кинулась. «Ахъ, что вы сказали, повторите!» Ей не повторили, но я тоже услыхала эти фразы, и мнѣ съ новинки показалось дико. Дѣвицы говорили о предметахъ своего обожанія. Одна сказала: «elle est belle comme, je ne sais, царица»; а другая: «je l'aime comme, je ne sais, херувимъ...» Дѣло въ томъ, что русское слово сильнѣе выражаетъ качество, а чтобъ имѣть право употребить его, надо было непремѣнно оговориться словами: «je ne sais», иначе вамъ передавали картонный языкъ за нарушеніе приказа говорить по-французски. Когда я стала сама говорить такія вещи, я употребляла только одинъ діалектъ. Можетъ-быть похвалы выходили и слабѣе, за то безопаснѣе... Языкъ на моей спинѣ производилъ на меня ощущеніе ползущаго таракана...

Улучивъ минуту въ вечернюю рекреацію, я шепнула Варенькѣ, какъ я рада, что мы вмѣстѣ, и ни съ кѣмъ не будемъ связываться. Она меня немножко задушила (цѣлуя, она имѣла привычку немножко душить), но сказала съ восхищеніемъ: «Зачѣмъ же намъ сидѣть однимъ. Я хочу быть со всѣми, это будутъ все мои друзья, непремѣнно...» И когда мы пришли спать въ дортуаръ, помолились и раздѣлись, Варенька пошла съ поцѣлуями ко всѣмъ дѣвицамъ по очереди. Дортуарная служанка отдала Варенькѣ ея пирожки и пряники; она разложила ихъ по табуретамъ всѣхъ дѣвицъ. Дѣвицы тихонько засмѣялись, поблагодарили и съѣли. Эта гастрономическая нѣжность ко всѣмъ, безъ исключенія, и душевныя изліянія, казалось, были не совсѣмъ въ нравахъ жителей... Варенька все просила о дружбѣ.

— Но вѣдь вы останетесь въ маленькомъ классѣ, какая же дружба? сказала ей наконецъ одна дѣвица, тономъ неопровержимаго отказа.

Съ Вареньки, вообще, скоро сбили спѣсь и веселье. На другой день насъ повели въ закройную, и одѣли въ камлотовыя

платья. Маленькая оригинальная личность моей кузиночки стала стираться въ одну общую форменную краску...

До устройства будущаго маленькаго класса, то-есть до перехода настоящаго въ старшій, мы, новенькія были подъ надзоромъ его классныхъ дамъ, сидѣли въ его отдѣленіяхъ, спали въ его дортуарахъ. Уроковъ намъ почти не задавали; учители не обращались къ намъ съ вопросами. Насъ отдали въ распоряженіе первымъ ученицамъ. Въ свободныя «перемѣны» онѣ обязаны были занимать насъ диктовкой, и по-мелочи, вопросами изъ разныхъ предметовъ. Та, которой меня поручили, была дѣвушка по шестнадцатому году, красавица. Она принялась учить меня съ покровительственнымъ тономъ, который очень шелъ къ ея изящной холодной наружности. Я ея не взлюбила. Хотя у меня не было Варенькиныхъ претензій на братство, нѣжность и ласки; но все же я была такъ глупа, что вертѣлась волчонкомъ отъ серіозныхъ минокъ моей учительницы. Мы, маленькія, еще не понимали магическаго слова: «скоро быть большой». Заплесть волосы въ одну косу, знать двѣ косички только какъ наказаніе, выйдти изъ morveuses, не знать презрѣннаго угла, угрозы розгой (впрочемъ, никогда невиданной),—да тутъ поднимешься на три аршина! Какъ съ такой высоты смотрѣть на крошечный мірокъ, гдѣ дѣвчонкамъ шьютъ платья на-ростъ, со складочкой, гдѣ непокорныя ноги топчутъ башмаки на-бокъ, а удлинняющіяся руки то и дѣло требуютъ новыхъ холщевыхъ перчатокъ?.. Взрослыя дѣвицы поселили въ насъ, наконецъ, должный страхъ и уваженіе. И Варенька присмирѣла такъ, что въ одномъ горестномъ обстоятельствѣ, при всей правотѣ своей, даже не возвысила голоса. Обстоятельство это поразило Вареньку въ самое сердце. У нея похитили книжки. Варенька привезла съ собой какія то хорошенькія, въ прелестныхъ переплетахъ. Одну книжку попросили дать прочесть; Варенька дала. Книжка не возвратилась. Затѣмъ изъ табурета въ дортуарѣ унесли и другія. Варенька видѣла и книжки, и свою злодѣйку; издали, несмѣлымъ шагомъ, и ломая свои маленькіе пальчики, слѣдила она по рекреаціонной залѣ за злодѣйкой. Та видѣла Вареньку, но Варенька промолчала. Книжки такъ и пропали.

Помню, что объ эту самую пору совершила я свой первый подвигъ, или вѣрнѣе, вдругъ показала неожиданную прыть. Сама не понимаю, какъ это со мной случилось. Двѣ недѣли я была какъ сонная, двигалась и раскрывала ротъ только по не-

избѣжности, и не чувствовала никакихъ самолюбивыхъ поползновеній явить передъ институтомъ черты моего характера. Несмотря на то, въ мою голову сѣла дурь. Она сѣла съ перваго дня, и мучила меня. Мнѣ было досадно, зачѣмъ кругомъ такая тишина. Тихо такъ, что душно, что почти физически тошно... Когда же будетъ шумъ? Утромъ встанемъ—говори тихо; помолимся Богу, позавтракаемъ—тихо; тамъ — учитель—опять тишина. Парами ведутъ къ обѣду—молчи; за обѣдомъ говорятъ въ полголоса. Послѣ обѣда, положимъ, рекреація, но не кричатъ, не хохочутъ, а болѣе идетъ шуршанье ногами; тамъ опять учитель до пяти часовъ; съ пяти до шести, хотя и рекреація, но должно быть, тоже нельзя шумѣть слишкомъ много, пепиньерка напоминаетъ: «pas autant de bruit, mesdemoiselles...» Съ шести до ужина, приготовленіе уроковъ, и больше шепотомъ; въ восемь ужинъ, и поведутъ безмолвными парами. А тамъ и спать ложись, и наступитъ тишина мертвая.

Я думала, думала, и вдругъ протестовала. Насъ вели спать, мы выступали на-цыпочкахъ. Классная дама была сердита и шикала. Въ дверяхъ дортуара сдѣлалось маленькое замѣшательство. На насъ еще шикнули. Тогда я опустила голову и стукнула въ полъ ногою, что было мочи. Эхо прокатилось по корридору...

Послѣ молитвы начался разборъ... Никто не замѣтилъ, что козья выходка была моя, никто меня не выдалъ. Всѣ отпирались, и я отперлась. Классная дама грозила поставить насъ на колѣни до полуночи. Она ушла къ себѣ, а мы ждали приговора. Я начала дремать стоя, и совѣсть не мучила меня за безвинныхъ. Должно-быть, классной дамѣ самой наконецъ захотѣлось спать. Не добившись правды, она выслала намъ приказъ, чтобъ и мы ложились. Я заснула пріятнѣе всѣхъ дней, будто сдѣлала доброе дѣло.

Припоминаю этотъ случай, образчикъ того, какъ мои душевныя побужденія сбились съ толку. Позднѣе, такихъ случаевъ было много...

Наконецъ, намъ дали просторъ. Послѣ недѣли экзамена, дѣвицъ перевели; опустѣлыя скамьи маленькаго класса, по всѣмъ отдѣленіямъ стали быстро наполняться вновь пріѣзжими. Образовался новый мірокъ изъ разныхъ племенъ, нарѣчій, состояній, и какъ въ каждомъ вновь создающемся мірке, въ немъ шла неурядица. Боролись чувства, кипѣли страсти — но не-

долго. Классныя дамы, собравшись съ новыми силами, скоро привели его въ гармонію.

Передо мной какъ въ туманѣ проходятъ наши маленькія лица... Вотъ и моя скамейка, и мои сосѣдки...

Вотъ дочка непремѣнно рачительныхъ, зажиточныхъ, но строгихъ родителей; она причесана волосокъ къ волоску. Платьеце темненькое, подъ-душку, присѣдаетъ хоть неловко, но почтительно, смотритъ, если не со смысломъ, то послушно. Родители передали классной дамѣ денегъ на непредвидѣнные расходы дѣвочки. Дѣвочка знаетъ сколько ихъ, до копѣйки, и будетъ тратить немного и аккуратно,—тратить, покуда, не на лакомства, а на покупку носоваго платка, если случится насморкъ и казеннаго полотна будетъ недостаточно. У нея есть и сундучокъ, прочный, съ крѣпкимъ замкомъ и ключикомъ. Тамъ щетки, гребенки, мыло, все нероскошное, тамъ наперстокъ, нитки, иголки, чтобы не смѣть одолжаться пустяками, потому что стыдно. Дѣвочка такъ сначала и смотритъ, что не одолжится. Вотъ уроженки Москвы, но у нихъ непремѣнно есть сытная, степная деревня, онѣ не изъ «тоннаго» семейства; все это видно съ перваго взгляда: барышни полныя, высокія, краснощекія, одѣты по замоскворѣцкой модѣ. Маменька ихъ такая же, только покрупнѣе; манеры у нея размашистыя. Дома у нихъ вѣрно много шуму и даже крупной брани, но семейство отъ этого только здоровѣетъ. Маменька будетъ ѣздить часто, и въ залу, и къ классной дамѣ, и въ непріемные дни; дочки не будутъ ея стыдиться (какъ это зачастую бываетъ въ институтѣ); маменька такъ непоколебимо и независимо смотритъ съ своими манерами, такъ явно не признаетъ необходимости быть потише, что покоритъ даже деликатные нервы классной дамы. Здоровье и безмятежность еще долго продержатся на лицахъ барышенъ. Вотъ еще здоровая и богатая, но это уже совсѣмъ степная. Она изъ многочисленнаго семейства, гдѣ предположили сбыть съ рукъ одну, и чтобы въ семьѣ была одна воспитанная. Она смотритъ такъ, что долго не пойметъ никакой науки. Послѣ обѣда она грустно обводитъ глазами столъ, будто ищетъ пирожнаго или лакомства, но не изящнаго. Корсетъ вызоветъ ея первыя горькія слезы; назиданія классной дамы покуда отскакиваютъ отъ нея, какъ отъ стѣны горохъ. Но вотъ за то сейчасъ привезли двухъ очень воспитанныхъ дѣвочекъ; классная дама даже засуетилась, и выговариваетъ

ихъ имена Adele и Zina съ особенною изысканностью. Это двѣ аристократки; фамилія громкая. Дѣвочки вялыя, болѣзненныя; покуда намъ будетъ съ ними навѣрное скучно; онѣ станутъ втихомолку кривляться или сидѣть вдвоемъ, поднявъ носики... Но это только покуда... Имъ позволятъ обѣдать за лазаретнымъ (хорошимъ) столомъ, и во время уроковъ не снимать пелеринки. Маменька ихъ будетъ видаться съ ними у директрисы, а не въ пріемной; у нихъ знакомые и родственники между членами совѣта, сенаторами. Сенаторы, пріѣзжая (всегда въ обѣденное время) потреплютъ Зину и Адель по плечу, спросятъ, здорова ли маменька и хороши ли кушанья. Вотъ и сама маменька входитъ съ директрисой въ классную комнату. Дама худая, въ шали, гордокислая, раззоренная аристократка... Богатыхъ аристократическихъ дѣтей въ московскомъ институтѣ почти не бываетъ (при мнѣ по крайней мѣрѣ не было). Такіе отдаются въ петербургскій институтъ, особенно въ Смольный, изъ честолюбивыхъ или блестящихъ видовъ. Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, Москва не была сцѣплена съ Петербургомъ желѣзною дорогой, и высокіе посѣтители пріѣзжали къ намъ очень рѣдко... Аристократка-маменька обводитъ насъ тусклымъ взглядомъ. Вотъ, она прошла мимо лавки, сронила тетради, и даже не сказала *pardon*... Въ послѣдствіи, Адель и Зина будутъ немножко стыдиться своей маменьки... Года черезъ полтора, имъ будетъ особенно непріятно, когда маменька, узнавъ, что лучшій другъ Адели и Зины «какая-нибудь «m^{lle} Кривухина изъ Сувалокъ,» сдѣлаетъ дочерямъ кислую гримасу... Рядомъ съ Зиной и Аделью сидитъ дѣвочка. Она красавица, одѣта отъ m^{me} Рене, и въ прелестныхъ ботиночкахъ. На первыхъ парахъ кажется, намъ не будетъ отъ нея житья. Она капризница, избалованная, у нея нѣтъ старшихъ кромѣ молодой замужней сестры, она выгнала изъ дома десятокъ гувернантокъ, институтъ она уже бранитъ, она брезглива, у нея на все одно слово: détestable. Она не проживетъ у насъ долго, а если проживетъ, то до конца останется сама собой; ея уже не передѣлаешь. Это будетъ наша мучительница, она притягиваетъ къ себѣ, потому что она прелесть, мы будемъ искать ея дружбы, дрожать ея гнѣва, обожать ее, даромъ что она маленькая. У нея все капризъ: и ея благородное заступничество въ общей бѣдѣ, и презрѣніе къ маленькимъ низостямъ, и желаніе учиться, все на минуту, все, покуда не наскучитъ... Вотъ она поглядываетъ на свою сосѣдку слѣва, поглядываетъ, какъ на маленькое животное. Недаромъ: та всю рекреацію не

перестаетъ жевать яблоки, варенья въ меду. Можно поручиться, что эта дѣвочка — единственная внучка у богатой бабушки, сирота, и жила подъ бабушкиною кацавейкой. Старуху едва не стукнулъ параличъ въ день отправленія внучки. Она съ своею Алефтиночкой снарядила въ институтъ и няньку, а въ комнату классной дамы снесли цѣлые кульки съѣстнаго и вручили ей письмо старухи, писанное крючками, чтобы при Алефтиночкѣ оставили няню, и больше кормили ее, сироту Божію. Алефтиночка ѣстъ и плачетъ; она выйдетъ изъ института не смекнувъ, зачѣмъ ее отдавали. А покуда ее отведутъ въ седьмое отдѣленіе, начинать азбуку.

Вотъ еще двѣ-три генеральскія дочки, еще нѣсколько дочекъ богатыхъ помѣщиковъ и значительныхъ чиновниковъ. Ихъ будутъ часто навѣщать, у нихъ не прервется связь съ роднымъ гнѣздомъ. То дяденька и тетенька, то кузены и кузины, то посторонніе привезутъ конфетъ, изрѣдка даже свѣтскихъ новостей, разказовъ о театрахъ и т. п. (Свѣтскія новости, впрочемъ, мало насъ интересуютъ). Любезность этихъ посѣтителей къ класснымъ дамамъ смягчаетъ иногда отношенія классной дамы къ посѣщаемой институткѣ и умиротворяетъ многое. Такія институтки большею частію обожаютъ не институтку, а какого-нибудь далекаго, рѣдко видаемаго кузена, или никогда невиданнаго актера и актрису. Это, можетъ-быть, единственныя головы у насъ, мечтающія (и то весьма слабо) о будущихъ балахъ, нарядахъ, любви и замужствѣ....

Но вотъ цѣлые ряды другихъ маленькихъ личностей... Это существенная часть институтскаго населенія. Родные этихъ дѣтей—губернскіе и департаментскіе чиновники, гнущіе спину за дѣломъ или передъ начальникомъ, берущіе взятки, чтобы воспитать семейство или откладывающіе честную, трудовую копейку; помѣщики ста душъ, а если болѣе, то душъ запутанныхъ, заложенныхъ или раззоренныхъ; господа въ отставкѣ или вдовы съ пенсіей, учители гимназій, профессора университетовъ, обремененные семействами. Все люди, то съ колеблющимися средствами къ жизни , то хотя прочно, но за то скудно обезпеченные... Эта категорія небогатыхъ и скромнаго происхожденія дѣвицъ, въ сравненіи съ первою категоріей, богатыхъ и знатныхъ,—многочисленна.

Бóльшая часть небогатыхъ родителей рѣдко навѣщаетъ дочерей. Изъ губерній далеко; хорошо, если случатся дѣла въ Москвѣ, такъ за одно. Московскимъ дорого: институтъ не

ближній свѣтъ, кому, напримѣръ, изъ Замоскворѣчья; въ ростопель не выдержитъ не только карета, но и всевыдерживающій ванька. Нѣкоторые же родители, просто, побаиваются института. Инымъ помѣщикамъ, зарившимся на деревенскомъ просторѣ, отъ всего жутко: и швейцаръ слишкомъ важный баринъ, и залы такія прибранныя, и классная дама будто косится... Другаго отца запугаетъ сама дочка: на второй годъ своего курса она придетъ въ нѣмой ужасъ, если ее на всю залу назовутъ «дочуркой», и раскроютъ для ней широкія объятія. Отцы, вообще ѣздятъ въ институтъ рѣдко и сидятъ не долго. Кому некогда, кого (пріѣзжаго) затянетъ опекунскій совѣтъ и московскія веселости, да и вообще, сколько я замѣтила, отцы у насъ неохотники вести бесѣды съ десятилѣтними или даже пятнадцатилѣтними «дочурками.» Больше ѣздятъ матери и родственницы. Но эти дамы (если онѣ не богатыя или не знатныя, или не были знакомы прежде съ институтскими властями) часто совершаютъ эти поѣздки какъ подвигъ; величіе института внушаетъ имъ робость. Въ пріемные часы онѣ тихонько наговорятся съ дочерьми, отклоняютъ возможность знакомиться съ директрисой, и съ затрудненіемъ приступаютъ къ знакомству съ классными дамами. Очень, очень немногіе родители любятъ институтъ искренно. Отъ многихъ, послѣ выпуска, случалось мнѣ слышать другое...

Но покуда, мы, небогатыя дѣвочки, вступаемъ въ первый періодъ нашего воспитанія; еще не стушевалось вліяніе дома, особенности привычекъ, миніатюрная свобода мнѣній. Изъ этой категоріи небогатыхъ дѣвочекъ выйдутъ самыя прилежныя, едва ли не самыя способныя къ труду; между ними надо искать и самые лучшіе характеры. Въ младенчествѣ, онѣ испытали лишенія, но не горькую нужду, убивающую дѣтскія силы; онѣ видѣли нравственныя страданія, вытерпѣли и свою долю страданій. Эти дѣвочки будутъ у насъ самыя честныя въ дружбѣ, болѣе другихъ самоотверженныя; онѣ же сумѣютъ придать нашей жизни разнообразіе и прелесть. Это не дѣло богатыхъ: тѣ большею частію монотонны, тяготятся институтомъ, это не дѣло и бѣднѣйшихъ.

Вотъ передо мной и маленькія лица этихъ бѣднѣйшихъ... И сколько, сколько ихъ! Что̀ было исписано просьбъ подъ бѣдными кровлями, что̀ было страха, примутъ или не примутъ дѣвочку? Она лишняя; подъ этою дворянскою кровлей тѣсно; тамъ, право, нечѣмъ жить. Надо выучить

дочь; воспитаніе — кусокъ хлѣба. Вотъ здѣсь эти дѣвочки на всевозможныхъ иждивеніяхъ... Идетъ баллотировка, билетъ не вынулся, мать упала сенатору въ ноги. Онъ принялъ ея дочь на свой счетъ. Прелестная крошка крестится и смѣется; за ней идетъ другая, тоже крестится и вынимаетъ счастливый билетикъ... Дома вѣрно отслужатъ молебенъ. Домъ опустѣлъ, но за то на шесть лѣтъ какая экономія въ расходѣ! Удастся ли въ эти шесть лѣтъ хоть разъ увидать ребенка?.. Иному врядъ ли. Иная мать не собьется пріѣхать и къ выпуску; благотворители доставятъ дочь, а, Богъ милостивъ, и совсѣмъ не привезутъ: дочери посчастливится остаться въ пепиньеркахъ...

Нечего дѣлать себѣ иллюзій; между дворянскими семьями даже шестой книги, этими «сливками» общества, встрѣчается страшнѣйшая бѣдность.

Изъ этого послѣдняго отдѣла вспоминаются мнѣ оригинальныя личности...

Какія уморительныя дѣвочки! Вотъ двѣ сестры—онѣ выросли въ походахъ своихъ отцовъ, пѣхотинцевъ-майоровъ; въ ихъ пріемахъ есть что-то военное. Вотъ Сибирячка—у нея дикая фамилія, не даромъ же она изъ дальнихъ-дальнихъ тундръ; она молча дивуется на все, и на себя, что она тутъ, и на науку, особенно на нѣмецкаго учителя и танцовальную учительницу; она долго будетъ дивиться, и сидя за чернымъ столомъ (столъ лѣнивицъ), можетъ-быть, не разъ вспомянетъ свои тундры. Вотъ дочери привольныхъ садовъ Малороссіи: одна—это ясно—ничего не видала дальше огорода; она, кажется, глазами ищетъ огорода въ классной комнатѣ; ей душно, перо не хочетъ выводить французскихъ каракуль; лучше бы полазить по лавкамъ, какъ бывало по деревьямъ за грушами... Другая—изъ тихаго Конотопа; она глупенькое, но добросердечное дитя; она будетъ осклабляться, когда мы, злыя, скажемъ ей въ классѣ вздоръ; она будетъ нашею маленькою шутихой, и мы будемъ ее любить. Вотъ какая-то грузинская княжна: крошечная, черненькая, коротко остриженная, волосы торчкомъ стоятъ на маковкѣ: она ничего не смыслитъ. Но эта дѣвочка откуда? неужели тоже изъ «сливокъ» общества? Нѣтъ, невозможно,—это изъ какой-то такой глуши, гдѣ живутъ первобытные люди, гдѣ плохо учитъ сама мать-природа. У нея привычки великороссійскихъ дикарей... Институтъ можетъ придти въ ужасъ. Но зачѣмъ отчаиваться? все пройдетъ, и даже лоскъ наведется. Вотъ ее слушаютъ двѣ-три

бойкія дѣвочки и смѣются. Эти смотрятъ такъ независимо, такъ свободно, что на ихъ упрямыя натуры потратится много труда...

О бѣдныя наши будущія *дриттки*, бѣдныя *mauvais sujets!* Гдѣ вы теперь? Сколько изъ васъ теперь на свѣтѣ хорошихъ женщинъ! Добрыя существа, какъ кротко и безпечно простили вы вашему прошлому!..

Въ одно утро къ намъ влетѣли двѣ бабочки, прелестныя, въ бѣленькихъ платьицахъ, въ розовыхъ газовыхъ шарфикахъ. Онѣ влетѣли въ одинъ особенно пасмурный день: классъ смотрѣлъ угрюмо, шла ариѳметика; у черной доски стояли двѣ несчастныя, безъ передниковъ въ наказаніе; онѣ омывали слезами ряды неправильно изображенныхъ трилліоновъ. Подъ перомъ раздраженнаго учителя выводился нуль; классная дама бранилась. Бабочки присѣли на скамьѣ. Онѣ говорили на невѣдомомъ языкѣ (англійскому не учили у насъ въ мое время). Взросшія въ холѣ роднаго дома, бабочки ничего не знали. Бѣдненькія! Наука показалась имъ чудовищемъ, прикосновеніе грубыхъ одеждъ помяло ихъ крылышки. Вмѣсто запаха цвѣтовъ, въ столовой (время было постное) встрѣтила ихъ атмосфера копченой селедки. Не прошло и полугода какъ наши бабочки улетѣли обратно. Ихъ взяли потому, что онѣ буквально ничего не могли ѣсть...

Впрочемъ, такія эфемериды бывали у насъ рѣдки. Вообще двѣнадцатилѣтнимъ дѣтямъ, избалованнымъ въ кружевахъ и бархатѣ и уже свѣтскимъ отъ пеленокъ, не мѣсто въ казенныхъ заведеніяхъ, хотя бы даже роскошныхъ; они не выживутъ. Нашъ же институтъ, шестнадцать лѣтъ тому назадъ, былъ далеко не роскошенъ. Онъ былъ даже бѣденъ въ сравненіи съ другими заведеніями. Александринскій (въ послѣдствіи Николаевскій при Воспитательномъ Домѣ) былъ передъ нашимъ настоящій дворецъ, и отдѣлкой помѣщенія, и хозяйственною частью. Потомъ зданіе этого института было обращено въ кадетскій корпусъ. Мнѣ удалось быть тамъ. Великолѣпные корридоры, паркетные полы, бронза... Невольно навертывался вопросъ: къ чему?..

Признаюсь, мнѣ теперь съ удовольствіемъ вспоминается тогдашній небогатый видъ нашего института. Изъ всѣхъ залъ только одна большая пріемная была отдѣлана подъ мраморъ съ великолѣпнымъ плафономъ, и только она и другая пріемная, маленькая, имѣли паркетные полы. Во всемъ остальномъ,

громадномъ зданіи, полы были или каменные, или крашеные. Зеленыя скамейки въ классахъ, подновляемыя по временамъ были, право, удобны. (При мнѣ однако уже ихъ замѣнили дубовыми, дорогими.) Какъ залы такъ и классы освѣщались лампами незатѣйливаго фасона; въ дортуарахъ висѣли съ потолка ночники, въ видѣ лодочекъ. Въ дортуарахъ же стояли простые умывальные столы, мѣдные, но удобные; дортуарныя служанки приносили воду въ жестяныхъ ведрахъ. Конечно, это патріархально въ сравненіи съ залами, гдѣ бронзовые бассейны въ мигъ наполняются водою, но за то не стоило десятковъ тысячъ. Также не было у насъ подъемныхъ столовъ, волшебствомъ подающихъ блюда изъ кухни; блюда попросту подавались въ кухонное окошко поваромъ на руки служанокъ, разносившихъ кушанье по рефектуару. Конечно, тутъ не было волшебства, но за то руки опять не стоили десятка тысячъ, если не болѣе. За исключеніемъ отвратительныхъ коморокъ, гдѣ помѣщались нѣкоторыя наши служанки, въ остальномъ мало что требовало радикальныхъ перемѣнъ. Мнѣ кажется, для казеннаго заведенія прежней скромной обстановки было очень достаточно.

У насъ могла бы быть другая роскошь, не дорогая, но необходимая: библіотека, о которой не было у насъ и намека, и хотя бы небольшая коллекція гравюръ по стѣнамъ. Въ дортуарѣ могли бы быть допущены зеркала; мы причесывались передъ осколками, привезенными изъ дома. Наконецъ—но быть можетъ такая мысль преступна—еслибы рѣшились отступить хотя немножко отъ идеала казенной форменности, институтъ, быть-можетъ, оправдалъ бы для насъ названіе «роднаго пріюта.» Не будь этого моря желтой штукатурки,—еслибы были стѣны зеленыя, голубыя, хоть полосатыя, какія угодно, намъ было бы какъ-то теплѣе, уютнѣе, глазамъ нашимъ было бы веселѣе. Это, быть-можетъ, глупо, но дѣти—птицы; птицамъ не даромъ втыкаютъ въ клѣтку зеленыя вѣтки или красный лоскутъ... Если бы допустили въ дортуарахъ неслыханную роскошь: свой домашній образокъ надъ изголовьемъ или портретъ матери; свои пяльцы гдѣ-нибудь въ углу, цвѣточные горшки по окнамъ, хотя бы мы тамъ вздумали сажать тыкву. Нѣтъ сомнѣнія, такія крошечныя уступки личнымъ вкусамъ, проявленіямъ личной свободы, привязали бы насъ къ институтамъ несравненно больше чѣмъ роскошь мраморныхъ лѣстницъ. Полагаю,

что роскошь въ заведеніяхъ имѣетъ отчасти цѣлью привязать насъ къ нимъ; вѣдь тамъ все дѣлается для насъ...

Но если чѣмъ былъ точно плохъ институтъ, такъ это пищей. Бабочки наши улетѣли недаромъ. Будь мы всѣ бабочки, мы бы также разлетѣлись. Не то, чтобы порціи были малы, не то чтобы столъ былъ слишкомъ простъ,—у насъ готовили скверно. Часто и сама провизія никуда не годилась. Бывали, конечно, исключенія, но рѣдко. Я даже радовалась посту, потому что на столѣ не являлось мясо. Исключая невыразимыхъ груздей, остальное въ постные дни было кое-какъ съѣдомо. Можно было по крайней мѣрѣ вдоволь начиниться снятками и клюквеннымъ киселемъ, или киселемъ черничнымъ. Отъ послѣдняго весь институтъ ходилъ сутки съ черными ртами, но это не важность. За то скоромный столъ! Мясо синеватое, жесткое, скорѣе рваное чѣмъ рѣзаное, печенка подъ рубленымъ легкимъ, такого вида на блюдѣ, что и помыслить невозможно; какой-то крупеникъ, твердо сваленный, часто съ горькимъ масломъ; лѣтомъ творогъ, рѣдко не горькій; каша съ рубленымъ яйцомъ, холодная, безъ признаковъ масла, какую даютъ индѣйкамъ... Столъ нашъ былъ чрезвычайно разнообразенъ. Мы не понимали, зачѣмъ это разнообразіе. Школьничій желудокъ не прихотливъ, предпочитаетъ пищу несложную, простую, лишь было бы вдоволь и вкусно. Этого-то и не было. Часто мы вставали изъ-за стола, съѣвши только кусокъ хлѣба; оловянныя, тусклыя и уже слишкомъ некрасивыя блюда—относились нетронутыми. Впрочемъ, иныя воспитанницы ѣли даже въ сласть и просили прибавки. Онѣ, казалось, никогда не ѣдали подобныхъ прелестей. Мы удивлялись имъ, а потомъ, съ горя, приступали къ тому же... Иногда голодъ наталкивалъ насъ на поступки не совсѣмъ дворянскіе. Мы крали. За нашимъ столомъ (перваго отдѣленія старшаго класса), на концѣ, ставили пробную порцію кушанья, на случай пріѣзда членовъ. Дѣвицы вольнодумно начали находить, что образчики лучше. И если членъ не пріѣзжалъ, образчикъ съѣдался, подмѣненный на собственную порцію... Вообще, мы были весьма кротки, не приносили жалобъ, и даже любили своего эконома. Этотъ экономъ былъ веселый старикъ, и, что̀ называется, балагуръ. Приходя въ столовую, онъ садился съ нами, называлъ насъ столбовыми барышнями, помѣщицами, и самъ расхваливалъ свои блюда. Мы у него просили пирожковъ и картофеля. Пирожки являлись, но скверные (кромѣ слоеныхъ

по воскресеньямъ), и картофель. Картофель мы ѣли, остальнымъ нагружали наши громадные, класснымъ дамамъ невѣдомые карманы. Туда же присоединялся черный хлѣбъ, намазанный масломъ. Это масло мы сбивали на тарелкахъ изъ распущеннаго, подбавивъ квасу. Черныя тартинки тайкомъ подсушивались въ дортуарной печкѣ (что̀ иногда сопровождалось угарнымъ чадомъ), и полдникъ или таинственный ужинъ выходилъ чудесный.

Полдника мы буквально алкали. Съ утренней булки и чая, т.-е. съ восьми часовъ, иногда не пообѣдавъ, или проглотивъ что-нибудь противное, что̀ еще хуже, мы не знали, какъ дожить до пяти часовъ вечера. Тутъ, едва выходилъ учитель, мы стаей налетали на классную служанку. Она вносила булки. Эти булки (половина хлѣба въ 5 коп. сереб.) съѣдались мгновенно. Горе той, которая имѣла неосторожность спросить всю свою булку въ утренній завтракъ! Она не находила состраданія. Извѣстно, что̀ такое эгоизмъ голоднаго: возьмите исторію кораблекрушеній и другихъ тому подобныхъ несчастій.

Таковы были печали (печали желудка конечно, но все же уважительныя), которыя встрѣтили насъ при началѣ нашего поприща...

Маленькій классъ наполнился; имъ перешли завѣдывать тѣ классныя дамы, воспитанницы которыхъ только что были выпущены. Учители проэкзаменовали по отдѣленіямъ, сочли баллы, и сдѣлали пересадку. Мы размѣстились. Кузину Вареньку посадили третьей: выше ея были двѣ дѣвицы, оставшіяся въ маленькихъ отъ прежняго четвертаго отдѣленія. Варенька была въ восторгѣ. Она потащила на свою высокую скамейку свои книжки, бѣленькія тетрадки, образокъ чтобы поставить его въ углу пюпитра и цѣловать передъ урокомъ. Я пошла водворять ее. Но увидавъ пюпитръ, мы обѣ вскрикнули. Классъ сбѣжался. На закраинѣ пюпитра была огромная дыра; въ нее входилъ цѣлый кулакъ...

Повѣритъ ли кто-нибудь, чтобъ эта дыра была проѣдена не мышами? Ее проѣла дѣвица, ковыряя дерево концомъ булавки. Щепочки легко отдѣляются, ихъ глотать удобно. Эта дѣвица объѣла точно также столъ въ лазаретѣ,—въ лазаретѣ, куда утромъ и вечеромъ ѣздитъ докторъ, гдѣ среднимъ числомъ бываетъ не болѣе шести-семи больныхъ, и надзоръ надъ ними, казалось, былъ незатруднителенъ... Обглоданный край стола мы видѣли собственными глазами...

Ѣда дряни царствовала при мнѣ во всей силѣ. Надо отдать справедливость нашимъ классным дамамъ: онѣ преслѣдовали ее жестоко. Но вѣроятно противъ такого зла мало было однихъ наказаній... Странно, что никто изъ насъ до института не пробовалъ ничего подобнаго. Эта ѣда изобрѣтеніе чисто институтское. Всего страннѣе, что вкусъ къ дряни не прививается отъ одного подражанія: можно одинъ разъ проглотить клочокъ кожанаго переплета, а на другой выплюнуть; нѣтъ, эта ѣда—неудержимая зараза, страсть, противъ которой безсильны даже угрозы розогъ... Печатная бумага, глина, мѣлъ (его тоже толкли и нюхали какъ табакъ), уголь, и въ особенности грифель—все у насъ поглощалось. Отъ грифелей, длиною въ четверть, къ концу мѣсяца послѣ выдачи, часто не оставалось ничего. Лакомки крали у неѣвшихъ, и отламывали углы своихъ грифельныхъ досокъ. Ѣли, просто, для ѣды, потому что находили вкуснымъ; очень немногія съ цѣлью пріобрѣсть интересную блѣдность. Кокетство пришло къ намъ позднѣе, едва ли не передъ выпускомъ, а ѣсть мы принялись съ перваго дня. Страшно вспомнить, какія были между нами зеленыя лица. Страшно вспомнить, какъ умерла одна—ее задушилъ грифель... Да и вообще цвѣтущее здоровье было у насъ рѣдкостью. Невниманіе ли классныхъ дамъ, дурные ли корсеты, только у насъ вышло множество кривобокихъ. Иныя, розовыя и толстенькія дѣвочки, принимались рости болѣзненно и вяло, у многихъ къ выпуску отъ когда-то пышныхъ волосъ едва оставались жиденькія пряди. Мы дурнѣли и худѣли. Причинъ и безъ дряни было много. Иныхъ буквально сжималъ и заѣдалъ страхъ, на другихъ нападало отчаяніе. Одна дѣвушка, особенно мрачнаго характера, пила у насъ уксусъ. Она тихонько покупала бутылки самаго крѣпкаго и пила стаканами. Ей хотѣлось умереть, потому что въ институтѣ было ей тошно, да и на свѣтѣ, должно-быть, вездѣ было ей тошно.... Помню, ея примѣръ увлекалъ. Она еще выдумала, что если ѣсть много апельсинныхъ и лимонныхъ зеренъ, то скоро умрешь. Апельсиновъ родные привозили мало, но попробовать хотѣлось. Даже и веселыя дѣвочки пробовали.... Для юности, въ ранней смерти есть что-то заманчивое. Умереть въ шестнадцать лѣтъ,—это такъ интересно! Институтская церковь полна; подруги, рыдая, поютъ панихиду; злая классная дама стоитъ и кается, а сама лежишь въ гробу, въ цвѣтахъ, красавицей.... Лежишь, и глазкомъ выглядываешь,

что̀ такое кругомъ.... А тамъ, уже опять какъ-нибудь жива, но дома, или гдѣ-то на землѣ....

Мы мечтали, а лакомая дрянь помогала не на шутку. И ѣли ее вовсе не дуры-дѣвочки, ѣли и умныя. Мѣсяцъ спустя послѣ пріѣзда, Варя, даже моя Варя, лизнула запретныхъ конфетокъ. Она сдѣлала мѣшокъ изъ бумаги, набила его толченымъ мѣломъ, и стала купать въ немъ носикъ какъ въ листьяхъ розы. Слава Богу, впрочемъ, она скоро одумалась. Черезъ недѣлю ей показалось это глупо. За ней бросили еще двѣ-три. Ихъ поймала пепиньерка, да еще пригрозила намъ одною неизбѣжною бѣдою....

Эта бѣда чуялась намъ какъ-то грозно и неумолимо. Она должна была придти къ намъ скоро, въ образѣ нашей классной дамы, Анны Степановны. Анна Степановна была больна; она заболѣла еще до выпуска своего старшаго отдѣленія, послѣ котораго по очереди должна была достаться намъ, четвертому отдѣленію. Покуда ее замѣняла у насъ пепиньерка, дежуря поденно съ другою нашею классною дамой, Вильгельминой Ивановной. Я была въ дортуарѣ Вильгельмины Ивановны. Дортуаръ Анны Степановны ожидалъ своей начальницы. Дортуаръ—это половина отдѣленія, и завѣдующая имъ классная дама имѣетъ надъ нимъ непосредственную власть. Нравственность дѣвицъ, ихъ занятія, ихъ здоровье, состоитъ на особой отвѣтственности дамы дортуара. Можно сказать, что отъ этой ближайшей начальницы зависитъ вся судьба дѣвочки.

Намъ много нашептали объ Аннѣ Степановнѣ. Нельзя вообразить, какой сердечный трепетъ навели эти разказы на тѣхъ особенно, кто долженъ былъ поступить въ ея дортуаръ. Варенька попала туда. Она очень пріуныла. Вообще, выраженіе ея лица неузнаваемо измѣнилось въ короткое время...

Наконецъ, въ одно утро, намъ объявили, что Анна Степановна вступаетъ въ должность. Она заняла свою комнату подлѣ дортуара, до тѣхъ поръ пустую, и запертая дверь ея внушала намъ таинственный ужасъ...

Послѣ вечерней молитвы, эта дверь отворилась. Тамъ была видна синенькая мебель, столъ да этажерки, ничего особеннаго, ничего страшнаго, но у многихъ дѣвицъ побѣлѣли губы. Мы ждали, стоя въ рядахъ. Изъ комнаты приносился острый запахъ какого-то лѣкарства. Что-то шевельнулось... и наконецъ, тихо, на порогѣ, показалась фигура въ темномъ капотѣ.

Лицо ея мы не могли, не смѣли еще разсмотрѣть. Фигура подошла. Въ рукахъ ея былъ списокъ ея дортуара. Она вызывала поименно своихъ, взглядывала имъ въ глаза, потомъ наклоненіемъ головы возвращала каждую дѣвицу на ея мѣсто. Губы ея были сжаты, щеки желчнаго цвѣта, блестящіе каріе глаза смотрѣли изподлобья, хотя были посажены такъ, что могли смотрѣть и прямо. Кончивъ, она отошла на два шага, съ неудавшимся величіемъ, и произнесла: «je verrai votre conduite.»

Общій книксенъ, и двери затворились.

Впечатлѣніе было произведено...

Не могу иначе назвать это время какъ «похороннымъ». Выраженіе невѣрно, но оно явилось тогда въ умѣ, и удержалось въ немъ на вѣки. Точно мы кого-то похоронили, или насъ похоронили... Въ глубинѣ прошедшаго мелькаютъ мрачные дни и наши убитыя страхомъ лица. Страхъ напалъ на богатыхъ и бѣдныхъ, на робкихъ и строптивыхъ, онъ уравнялъ всѣхъ, и въ общемъ бѣдствіи мы стали подавать другъ другу руку. Вотъ начало нашей дружбы: она расцвѣла среди гоненій...

Дѣтство все преувеличиваетъ, но тутъ желаніе гнать насъ было очевидно. Мы видѣли, что Анна Степановна торжествовала, когда весь классъ сидѣлъ, не смѣя возвесть очи; она, конечно, должна была понимать, что̀ дѣлалось въ это время съ нашими сердцами и внутренностями...

Она, конечно, насъ не била, и не Богъ-вѣсть какъ бранила. Но ея физіономія и тонъ имѣли способность уничтожающую. Довольно было этой физіономіи, чтобъ убить въ зародышѣ самое малое покушеніе на шалость. Мы и не шалили. Не помню, чтобы въ продолженіи этихъ первыхъ мѣсяцевъ въ институтѣ кто-нибудь у насъ точно провинился. Тѣмъ не менѣе, Анна Степановна такъ и сыпала наказаніями.

Мы думали, нѣтъ злѣе женщины въ мірѣ. Позднѣе мы поняли ее иначе, но еще хуже. Приговоры наши были страшны...

Анна Степановна доходила насъ въ особенности «тишиной». Чуть шорохъ или смѣхъ въ классѣ, и виновная уже у черной доски; слово въ оправданіе, и она безъ передника; шепотъ неудовольствія,—и весь классъ «debout» или безъ обѣда. Начинается грозный разборъ; Анна Степановна не возвышаетъ голоса; она больше глядитъ и ждетъ... о, лучше бы, кажется, умереть!..

Чтобы соблюсти ту тишину, которой хотѣлось Аннѣ Степановнѣ, надо было родиться истуканомъ. Особенно было тяжко, когда мы ложились спать: тутъ-то бы и хотѣлось поговорить другъ съ другомъ, на просторѣ. Рекреацій мы не любили; во время рекреаціи надо непремѣнно ходить, и всѣ спѣшатъ выучить урокъ къ послѣобѣденнымъ или завтрашнимъ «перемѣнамъ»; да тутъ же и она, сама Анна Степановна; не побранишь ее, не облегчишь сердца. Но въ дортуарѣ ужасно... Рядомъ она отворила свою дверь, и ждетъ чтобы въ секунду водворилось гробовое безмолвіе. Разъ, мы засмѣялись, раздѣвая другъ друга... Тогда, какъ стоялъ рядъ, такъ его и повалили на колѣни, какъ карточныхъ солдатиковъ. На колѣнахъ простояли до полуночи...

Страхъ нашъ началъ принимать колоритъ фантастическій. Кто, напримѣръ, видѣлъ тѣнь Анны Степановны, блуждавшую по дортуару среди ночнаго мрака; кто утверждалъ, что Анну Степановну посѣщаютъ видѣнія, три черныя кошки. Варенька не вѣрила, но трусила не хуже другихъ; она, просто, терялась. Разъ, она уже совсѣмъ легла въ постель, когда Анна Степановна кликнула ее взять шпильки и булавки, чтобы раздать дѣвицамъ. Варенька влетѣла къ ней какъ была, даже безъ башмаковъ. Это не помѣшало, однако, Варенькѣ сдѣлать книксенъ...

Другія отдѣленія намъ не завидовали, конечно. У нихъ житье было гораздо лучше, и если подчасъ не доставало справедливости и толку, за то не было такого удушья. Ихъ классныя дамы ставили насъ въ примѣръ своимъ, но не пускались въ рабское подражаніе. Быть-можетъ, сердца ихъ были даже тронуты зрѣлищемъ нашихъ бѣдствій, но ни одна не рѣшилась на дружескій совѣтъ Аннѣ Степановнѣ. Дружбы между нашими классными дамами не было; случалась скорѣе вражда. Въ свободные отъ дежурства дни, онѣ не собирались между собою потолковать о живомъ мірѣ, который не совсѣмъ былъ запертъ отъ ихъ глазъ. Дежуря черезъ день, каждая дама половину года была почти свободна. У иныхъ было даже большое знакомство, а молодыя не лишались удовольствія поплясать гдѣ-нибудь на балѣ... Но ни внѣшній міръ, ни институтскіе интересы, ничто не сближало нашихъ дамъ; большая часть ихъ предпочитала жить особнякомъ, избѣгая интимности, держась какъ-то странно насторожѣ, и будто сберегая другъ противъ друга камень за пазухой...

Зачѣмъ? Ни зависть, ни самолюбіе, ни честолюбіе, ничто не могло служить тому побудительною причиной. Классной дамѣ нечѣмъ было отличиться; классной дамѣ не было повышеній, ни какихъ-нибудь особенныхъ льготъ; наконецъ, сколько я помню, ни одна изъ нихъ не заискивала и любви директрисы. Любовь эта могла быть только безплодною, значитъ, не о чемъ было хлопотать; къ тому же, онѣ хорошо знали директрису, равнодушную къ нимъ до нѣкотораго презрѣнія...

Не думаю также, чтобы наши классныя дамы скрытничали другъ отъ друга изъ необходимости скрытничать. Поведеніе ихъ было безукоризненно, и если кто изъ насъ увлекался въ послѣдствіи, тотъ не могъ сослаться на примѣръ своихъ классныхъ дамъ. Бывали, пожалуй, у нихъ уклоненія, но или пустыя, или глупыя... Чего-нибудь болѣе серіознаго институтскія стѣны не видали въ мое время... И наконецъ, наши классныя дамы были большею частію или стары, или дурны.

Однако, онѣ все же не ладили. Намъ, конечно, до этого не было никакого дѣла, лишь бы съ нами обходились милостиво. Но такъ какъ всѣ онѣ, въ большей или меньшей мѣрѣ, держались системы безгласія, дѣлали изъ мухи слона или пребывали въ олимпійской недоступности, то немногія и были любимы, и то немногими...

Наша непріязнь, должно-быть, мало ихъ огорчала. Наши классныя дамы были только институтскія дамы, а не воспитательницы. Ни одна, сколько я помню ихъ теперь, не поступила къ намъ по призванію. Съ небольшими исключеніями всѣ даже были очень плохо образованы; были даже крайне тупоумныя дамы. Такія ломили, какъ говорится, зря, наказывали нынче за то, что спустили вчера, сбивали съ толку, и получали названіе индюшекъ за выраженіе, которое принимали ихъ лица въ минуту гнѣва. Дѣтство чутко; ихъ мало боялись, и подъ надзоромъ этихъ дамъ выросли болѣе независимые характеры. Въ пятомъ отдѣленіи была классная дама кислѣйшей наружности и кислѣйшаго характера. Пятнадцать лѣтъ она подвизалась на своемъ поприщѣ. Быть-можетъ, когда-нибудь, она была образована, но съ тѣхъ поръ какъ выучилась, не сочла нужнымъ идти впередъ ни для себя, ни для своихъ ученицъ, которымъ помощь классныхъ дамъ при повтореніи или приготовленіи уроковъ была бы необходима. Можетъ-быть прежде она усердно исполняла свою обязанность; умная и справедливая, можетъ-

быть сформировала нѣсколько твердыхъ и честныхъ характеровъ, и наказанія ея точно приносили пользу. И теперь еще можно было видѣть, что она бывала когда-то справедлива. Но дама соскучилась. За стѣнами института у нея не было знакомой души. Она облѣнилась и устала. Она, видимо, только дотягивала до полнаго пансіона, чтобъ уйдти, можетъ быть, въ монастырь, и доживать на покоѣ. Лицо ея наводило скуку. Она не придиралась къ пустякамъ, но дежурила какъ-то нетерпѣливо, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ дневной работы. Ее уважали, но и только.

Ея сослуживицу по отдѣленію тоже уважали. Она была еще молода и воспитана, но какая-то сухость сердца или нежеланіе немножко сблизиться съ нами, ставили между нею и ученицами постоянную преграду. Ея наставленія не трогали. «Дортуаръ» былъ для нея что-то постороннее, содержимое въ порядкѣ и вѣжливо, уважаемое въ массѣ, но не болѣе. И то уже было хорошо.

Въ третьемъ отдѣленіи, у старшихъ, дежурили двѣ противоположности: шестидесятилѣтняя старуха и двадцати-пятилѣтняя молодая дѣвушка. Старуха давно получила полный пансіонъ и неизвѣстно зачѣмъ заживала въ институтѣ чужое мѣсто. Она только брюзжала. Вставать въ семь часовъ и быть на вытяжкѣ до восьми вечера, было ей не по силамъ. Когда она вела парами своихъ, быстрые шаги дѣвицъ подкашивали ее выплывавшую впереди фигуру. Надъ нею глупо школьничали, наливали воды въ ридикюль и чуть не прикалывали бумажекъ. Старуха часто хворала. Другая, молодая, была очень хорошенькая дѣвушка, очень бѣдная, и только начинала свою карьеру. Ей гораздо больше хотѣлось выйдти замужъ. Эти невинныя и очень понятныя хлопоты продолжались всѣ шесть лѣтъ, покуда я была въ институтѣ. Мнѣ грустно о ней вспомнить... Она правила дортуаромъ скрѣпя сердце, и была акуратна, чтобы не потерять мѣста. Собственные интересы замѣтно ее мучили. На дортуаръ свой она глядѣла немного желчно,—она видѣла въ немъ существа, которыя скоро будутъ на свободѣ, и иногда немножко свысока, чтобъ отвести душу хоть въ проявленіи власти...

Наша Вильгельмина Ивановна была добрая женщина, но немного ограниченная. Она, часто, ни съ того ни съ сего, принималась злобствовать въ родѣ Анны Степановны, что̀ вовсе не шло къ ея смиренной физіономіи. Но это сходило съ нея

скоро. Она, кажется, сама недоумѣвала, зачѣмъ надо быть строгою, и не умѣла отвязаться отъ этой будто бы неизбѣжности. У нея и выраженіе, и манеры были какіято свои домашнія, а не казенныя. Иногда она была вовсе мила, вовсе запросто, и какое-то материнское чувство проглядывало въ ея глазахъ. Заболѣвшая дѣвица была для Вильгельмины Ивановны не субъектъ, который надо отправить въ лазаретъ, и только; Вильгельмина Ивановна страдала за нее, и тормошилась какъ бы скорѣе помочь. Въ дортуарѣ своемъ она имѣла фаворитокъ. Мы прощали ей это пристрастіе, потому что въ немъ было безотчетное искреннее чувство, безъ всякой тѣни какой-нибудь корыстной причины. Фаворитокъ своихъ она даже баловала. Она зазывала ихъ къ себѣ въ комнату, и тамъ, за перегородкой, у постели, гдѣ потеплѣе и потѣснѣе, стоялъ самоваръ и разныя сласти. Она любила покормить какъ барыня-помѣщица. Тутъ дѣвушки болтали всякой вздоръ; изъ памяти исчезали желтыя стѣны, разница лѣтъ и положенія. Онѣ даже цѣловали Вильгельмину Ивановну. На ея глазахъ бывали слезы...

Но Вильгельмина Ивановна была единственная. Къ сожалѣнію, впечатлѣніе ея ласки скоро проходило,—и не далѣе, какъ на другой же день, когда Вильгельмина Ивановна, вся пунцовая, принималась кричать на весь классъ и рѣшительно безъ цѣли...

А наша Анна Степановна? А другія, и еще другія?... Да что̀ же было съ нихъ и взыскивать? Развѣ добрая воля привела ихъ подъ институтскую кровлю? Всѣхъ привела нужда. Конечно, очень многія свыкались потомъ съ своею профессіей, даже привязывались къ ней, но, все равно, исполняли ее дурно. Трудно было и выполнять ее иначе. Двадцать лѣтъ назадъ, не очень многіе понимали, что̀ такое должно быть воспитаніе... Въ казенныхъ заведеніяхъ отсталыя понятія передавались изъ рода въ родъ; вновь поступавшія классныя дамы принимали эти понятія совсѣмъ готовыми, и усвоивали ихъ легко, потому что они были удобны. Чинность, безгласіе, наружная добропорядочность и повиновеніе, во что̀ бы то ни стало, вотъ качества, которыхъ можно добиться отъ подчиненныхъ только вооруженною силой. Быть вооруженнымъ очень пріятно, и къ тому же, добиваясь такихъ результатовъ, власть остается спокойна и умомъ, и сердцемъ.

Не думаю, чтобъ учредители института имѣли цѣль образовать въ насъ только эти качества. Отчасти, можетъ-быть,

но не въ такой уродливой мѣрѣ. Классныя дамы злоупотребляли, директриса не доглядывала. Никто не чувствовалъ потребности измѣненій въ этой мертвой средѣ, никто не искалъ лучшаго.

Одна любовь творитъ чудеса, живитъ то, что̀ ее окружаетъ; она одна, лучше всякаго мудреца, умѣетъ найдти, что̀ нужно: то простое слово, тотъ складъ отношеній, которыя воспитываютъ молодую душу въ добрѣ и свободѣ. Но требовать любви отъ классныхъ дамъ было бы нелѣпо. Гдѣ эти обширныя сердца съ запасомъ любви на шестьдесятъ человѣкъ, или, по меньшей мѣрѣ, на тридцать (то-есть на воспитанницъ своего дортуара)? За неимѣніемъ такихъ въ природѣ, институтское начальство, конечно, ихъ и не ищетъ.

Если это было невозможно, то было возможно другое: женщина, человѣчески образованная, понимающая, что придирчивость только роняетъ кредитъ власти, а преслѣдованіе мелочей глупо,—понимающая, однимъ словомъ, что власть страшно обязываетъ, а не дается для самоупоенія,—женщина пытливая, для которой любопытно видѣть ростъ дѣтскаго ума и пріятно направлять его во имя здраваго смысла.

Но гдѣ же, двадцать лѣтъ тому назадъ, были у насъ такія женщины-воспитательницы по праву и по призванію? Много ли ихъ и теперь?

Черты женщинъ любящихъ и женщинъ умныхъ попадались и между нашими классными дамами, но только черты микроскопическія. У нихъ не доставало главнаго: чувства долга, который сказалъ бы имъ, что пора оставить заведеніе, когда ослабѣли нравственныя и физическія силы, или, когда каждый собственный шагъ ясно говоритъ имъ, что онѣ не способны занимать свое мѣсто.

Но до такого самопознанія, до такого самоотверженія общество не доросло и теперь. Классныя дамы наши были не виноваты.

Теперь, поживъ на свѣтѣ, мы, воспитанницы, прощаемъ имъ многое, почти все, объясняя ихъ нравы духомъ времени. Но тогда мы рѣшительно не прощали... Злоба наша изливалась втихомолку, но тѣмъ не менѣе, очень краснорѣчиво. Имена и фамиліи классныхъ дамъ перевертывались на всѣ лады. Эпитеты сыпались, и vilaine было самое милостивое.

Узнала ли объ этомъ въ послѣдствіи хоть одна классная дама, такъ, изъ откровеннаго разговора съ бывшею воспитанницей?..

Не думаю. Мы выросли такою трусливою мелкотой, а тамъ попали въ общество, такъ мало радѣющее о правдѣ, что, конечно, ни одна изъ насъ не отваживалась на слово правды, какъ бы оно ни было полезно, и даже въ томъ случаѣ, когда сказать это слово можно было съ полною безопасностію.

Вспоминается мнѣ наше первое говѣніе вмѣстѣ. Никогда, въ послѣдніе годы курса, ни потомъ, дома, я не была подъ вліяніемъ такого особеннаго чувства. Почти весь классъ испытывалъ то же. Серіозный ли характеръ нашего законоучителя, непривычка ли отвѣтственности за себя (потому что дома казалось еще, что за насъ передъ Богомъ отвѣчали родные), или мракъ и грусть, напущенные Анной Степановной, были тому причиной,—не знаю; но только мы каялись, будто совершили десятки преступленій. Мы даже старались не говорить другъ съ другомъ, чтобъ не нагрѣшить еще больше. Намъ казалось, наконецъ, что мы виноваты передъ цѣлымъ міромъ. Мысленно мы просили прощенія у родныхъ; между собой сводили итоги, отъ похищенной булавки до обиднаго слова. Но одно затрудненіе для нашей совѣсти было непреодолимо. Мы не знали, какъ намъ быть съ Анной Степановной. Совѣсть требовала найдти въ себѣ преступленіе и противъ Анны Степановны, а между тѣмъ искать его какъ-то не хотѣлось, и стыдъ насъ бралъ, что оно не находилось, стыдъ за закоснѣлость души, потому что все же мы, вѣрно, были виноваты передъ Анной Степановной... Надо признаться ей, но въ чемъ,—и неужели признаться?.. Въ такихъ мученіяхъ приходилъ и день исповѣди, и часъ исповѣди.

Раздавался церковный колоколъ. Всѣ мы инстинктивно, въ разъ, поднимались съ мѣста. Не помню, чтобы кто-нибудь пожелалъ отстать и явиться одною съ своимъ «pardonnez-moi» передъ Анной Степановной. Тѣсною толпой подходили мы къ ея двери, имѣя самыхъ недовольныхъ и притѣсненныхъ внутри кружка, гдѣ не такъ видно. Объявить о нашемъ приходѣ избиралась дѣвица, что ни есть невиннѣе и безотвѣтнѣе изъ всего дортуара.

Анна Степановна выходила. «Pardonnez-nous,» раздавалось глухо въ кружкѣ. «Que Dieu vous pardonne, mesdemoiselles.» И если ничего больше, какое счастіе! Но въ этомъ счастіи мы

не смѣли признаться и самимъ себѣ. Мы только робко обращали тылъ, не озираясь, чтобы какъ-нибудь не кликнули.

Коллективное раскаяніе и прощеніе снимали тяжесть съ души. Значитъ, такъ должно было быть, если такъ было.

Позднѣе, къ пятнадцати годамъ, молитва наша стала мечтательнѣе, или восторженнѣе; раскаяніе и прощеніе «врагу» не просилось наружу изъ сердца, а какъ-то застѣнчиво оставалось въ глубинѣ его; въ замѣнъ словъ, явились слезы, но нервныя, горячія, неопредѣленныя. Мы пролили ихъ много передъ образомъ Спасителя, въ церкви, покуда, бывало, стоишь и ждешь своей очереди; а тамъ, у противоположнаго окна, за ширмами, гдѣ священникъ, идетъ тихая исповѣдь.

Къ шестнадцати годамъ, многое измѣнилось. «Pardon» у дверей сталъ почти простымъ обрядомъ, и мурашки уже не бѣгали по плечамъ отъ страха погони. Наконецъ, молитва приняла совсѣмъ институтскую складку. Передъ исповѣдью мы стали записывать грѣхи на бумажкѣ и твердить, какъ уроки. «Mesdames, дайте списать грѣшковъ, я свои забыла,» слышалось со всѣхъ сторонъ, въ то время какъ благовѣстилъ колоколъ.

Это было искренно и, быть-можетъ, даже очень трогательно; но, мнѣ кажется, въ дѣтствѣ было лучше. Въ дѣтствѣ, кромѣ времени говѣнія, бывали иногда просто случаи, которые вызывали такую потребность раскаянія, на какую уже неспособенъ немного взрослый человѣкъ. Вотъ одинъ случай: свое покаяніе разказывала намъ потомъ наша первая ученица, оставшаяся отъ предыдущаго класса.

Разъ, въ институтѣ, произошло слѣдующее. Былъ большой праздникъ, Рождество Христово, и, по правилу заведенія, институтки проводили его въ дортуарахъ. Три дня въ дортуарѣ и полнѣйшая свобода—какое счастіе можетъ съ этимъ сравниться? Было шумно, лакомствъ было въ волю; къ довершенію прелести вечера, и разказы нашлись самые святочные. Только недѣлю передъ тѣмъ, умерла въ институтѣ одна старая дама, бывшая распорядительница въ классѣ вышиванья. Она давно не служила, и жила у дочери, своей преемницы по классу. Покойницу отпѣвали въ институтской церкви, и, говорятъ, мертвая была очень страшна. Такъ эту-то покойницу видѣли наканунѣ Рождества. Она прошла по хорамъ церкви, оттуда по хорамъ пріемной залы и тамъ во что-то обернулась. Кто видѣлъ, еще не знали, но происшествіе комментировалось подъ звуки пріятнаго щел-

канья кедровыхъ орѣшковъ во всѣхъ углахъ дортуара. Бесѣда лилась, когда совсѣмъ неожиданно ее прервали.

— Par paires, ко всенощной, скомандовала, входя, классная дама.

А сказали, что будетъ заутреня, въ шесть часовъ утра. Неохотно всѣ встали и пошли молиться.

Молились что-то долго, будто гораздо дольше обыкновеннаго. Дьячокъ уныло тянулъ на клиросѣ, свѣчи что-то плохо горѣли; въ лазаретѣ били часы протяжно, долго... а всенощная была только въ половинѣ.

Вдругъ раздался крикъ, страшный, неестественный, и кто-то въ дальнихъ рядахъ грянулся объ полъ. Секунда тишины, и закричали всѣ. Все заволновалось, заметалось, ряды бросились на ряды, толкаясь, сшибая съ ногъ, падая грудами, задыхаясь въ ужасѣ... Блѣдныя лица, растерянные башмаки, крики: «пожаръ, покойница, свѣтопреставленіе!» Кто-то влетѣлъ на клиросъ, хочетъ въ алтарь, дьячокъ хватаетъ ее за косички; кто-то со стономъ бьется подъ десятками тѣлъ; швейцары держатъ дверь у входа въ залу, тамъ пріѣзжіе. Побѣжали за директрисой, изъ лазарета тащатъ воду. Вышелъ священникъ съ крестомъ: «Миръ вамъ, миръ вамъ.» Понемногу всѣ утихаютъ, становятся въ ряды, и тихо, еще дрожа, идутъ прикладываться къ Евангелію.

Но что̀ жь было такое, что̀ видѣли? Да ничего: просто, одной ученицѣ сдѣлалось дурно... Паническій страхъ.

Всенощная кончилась, и пошли ужинать. Тутъ уже всѣ, опомнясь, понурили головы. Никто не тронулъ ни одного блюда. Молчаніе въ столовой было торжественное, всѣ чего-то ждали. Наконецъ въ дверяхъ засуетился экономъ и полицеймейстеръ. Зашелестило платье, и директриса вошла.

На лавкахъ встаютъ; тишина мертвая.

— Кто осмѣлится сказать хоть слово своимъ роднымъ о томъ что̀ произошло, тотъ будетъ высѣченъ, говоритъ директриса громовымъ голосомъ, по-французски.—Съ завтрашняго дня, всѣ по классамъ, и, берегитесь у меня, вы!

Еще грозный жестъ, и она удаляется.

Институтскія стѣны тонки, и тайна вылетѣла. Родные смѣялись, какъ обыкновенно смѣются надъ стадомъ барановъ. Но «бѣда», въ глубинѣ институтскихъ сердецъ, была понята иначе, по крайней мѣрѣ очень многими. Что̀ тамъ, «la verge»? Что̀ даже и самое торчанье въ пустыхъ классахъ, за урокомъ, въ

святки? Дѣло не въ томъ. Вина передъ Богомъ, искушеніе, и грѣхъ-то, грѣхъ-то какой, еще въ церкви!

Многія наложили на себя обѣты, кто земные поклоны, кто воздержаніе отъ страстей (то-есть брани на классную даму). Ученица, которая разказывала намъ это происшествіе, каялась тоже. Она отверглась земныхъ благъ. Ей къ святкамъ прислали крымскихъ яблокъ. Она сложила ихъ въ передникъ, и, какъ преступница и недостойная, отнесла истопнику, даже избѣгая благодарнаго взора.

... Первый свѣтлый праздникъ въ институтѣ я провела очень скучно. Родные мои были далеко, Варенькины—тоже. И другимъ, сколько я помню, было не веселѣе. Всѣ мы смотрѣли какими-то одичалыми птицами, еще не спѣвшимися другъ съ другомъ, сидѣли по дортуарамъ и ничего не дѣлали. Въ дортуарѣ Анны Степановны было несносно. Хотя по закону была позволена полная свобода, но тамъ никто ею не пользовался. Дверь Анны Степановны стояла настежь, и она слышала все, до невиннаго желанія яйца въ крутую. Зная это, воспитанницы ея предпочитали сидѣть тихонько, каждая на своемъ табуретѣ у кровати, и рыться въ какихъ-нибудь пустячкахъ, то-есть лентахъ, коробочкахъ и перстенькахъ, привезенныхъ изъ дому, и грустно ненужныхъ теперь.

У насъ, то-есть у Вильгельмины Ивановны, сравнительно, было гораздо веселѣе. Она затворяла свои двери, и мы праздновали на покоѣ. Всякій дѣлалъ что̀ хотѣлъ. Иныя, находя что лучшее дѣло—сонъ, спали цѣлый день безъ просыпу. Другія, усѣвшись по окнамъ, глазѣли на дворъ, пустой, облитый весеннимъ солнцемъ, и слушали далекій праздничный трезвонъ; третьи, отъ нечего-дѣлать, только ѣли. Многія счастливицы ждали, что къ вечеру пріѣдутъ ихъ родные. Въ ожиданіи шли кое-какіе разговоры...

Только не о родныхъ, не о недавней жизни дома. Странно, я не помню, чтобы мы разспрашивали другъ у друга о своихъ біографіяхъ, о біографіяхъ нашихъ семействъ, чтобъ это особенно насъ интересовало. Всю прежнюю жизнь мы больше оставляли про себя, и если память о ней вырывалась вслухъ, то только отрывками. Самое чувство прежнихъ привязанностей какъ-то уходило въ глубь души, смятое, и день ото дня у многихъ теряло свою живучесть. Оно глохло, какъ глохнетъ вьющееся растеніе, которому не къ чему лѣпиться... Притомъ молодость, а особенно дѣтство любитъ жить не прошедшимъ,

и не тѣмъ, чего уже нѣтъ на глазахъ, а настоящимъ, какое бы оно ни было... Мы и говорили о настоящемъ.

Помню, какъ одинъ разъ зашла къ намъ Варенька. Безъ книгъ, безъ дѣла, какъ-то разомъ лишившись всѣхъ прежнихъ способностей веселить и веселиться, она бродила, не зная куда дѣвать руки. Мы предложили ей кулича и загадку, предметъ нашего разговора.

— Варенька, что̀ такое: S-deux, D-huit, B-trois? Mesdames, qu'est que c'est M. P. R?

— Laissez-moi en repos, отвѣчала одна дѣвица, уткнувъ носъ въ подушку, и почему-то обиженная. Послѣдняя загадка относилась къ первоначальнымъ буквамъ ея имени и фамиліи.

— Варенька, отгадывай же!

Варенька качала головой.

— Mais ce sont les premières beautés de l'institut! Mesdames, quelle honte, elle ne sait pas ce que c'est S-deux!

— Что̀ же тутъ разгадывать—мѣтки бѣлья! возразила Варенька. S значитъ дортуаръ Анны Степановны, deux — номеръ бѣлья mademoiselle.... я не знаю кого....

— Mesdames, а кто разгадаетъ, что̀ такое t. d. t.? спросила кто-то.—Пари, что никто!

Варенькѣ казалось это дико, а мы занимались загадками цѣлый день. Я ломала голову надъ мудренымъ шифромъ, но къ ночи разгадала.

— Mesdames, «tablier de *tique*»! закричала я на весь дортуаръ, такъ что на меня даже шикнули....

Страшное слово! «Тиковый» передникъ было самое крайнее наказаніе въ институтѣ. Кто одинъ разъ его заслужилъ, на томъ лежала печать отверженія. Объ этомъ передникѣ говорили только шепотомъ. Даже сама Анна Степановна рѣдко грозила намъ этою казнью. Говорили намъ, что будто бы въ одномъ изъ предыдущихъ выпусковъ надѣли тиковый передникъ на дѣвушку, уже кончавшую курсъ. Она будто бы написала пасквиль, гдѣ была обругана классная дама и весь институтъ. Не знаю, была ли это правда,—дѣло было давно, и можетъ-быть дошло до насъ въ неточномъ видѣ. Мысль о t. d. t. не дала мнѣ заснуть ночи....

Наши праздничныя засѣданія прерывались прогулками. Такъ какъ въ началѣ апрѣля въ саду бывало еще сыро, то насъ водили гулять по двору. Это дѣлалось иногда и зимою, въ теплые дни. Кругомъ двора былъ узкій деревянный тротуаръ, по которому

можно было идти только парами. Мы этого гулянья терпѣть не могли, по крайней мѣрѣ большинство изъ насъ. За чугунною рѣшеткой бывало много приманокъ. Разнощики и булочники сбирались тамъ, ожидая практики. Торговля происходила на ходу. Покуда мы безконечнымъ хвостомъ извивались вдоль рѣшетки, пятачки и гривенники летѣли за нее, и проворныя руки подхватывали оттуда сѣрые свертки бумаги, иногда съ чѣмъ-нибудь несъѣдомымъ.... Но большинство институтокъ предпочитало спокойный способъ покупки чрезъ вѣрныхъ служительницъ дортуара.

Костюмъ нашъ во время этихъ гуляній былъ уморительный. Кожаныя ботинки невѣроятной толщины, величины и вида; темные салопчики солдатскаго сукна и фасона какъ у богадѣленокъ; коленкоровыя шляпки въ видѣ гриба, съ огромнымъ коленкоровымъ махромъ на маковкѣ. Еслибы не этотъ махоръ, мы были бы совсѣмъ галки. Потомъ намъ сшили что-то поизящнѣе. И вообще, годъ отъ году, при мнѣ всѣ наши туалеты стали замѣтно улучшаться, и будничные, и праздничные, и бальные.... Вѣдь у насъ тоже бывали балы.

Оркестръ, всегда великолѣпный, и ни одного кавалера, развѣ-развѣ два-три кадета изъ неранжированной роты. Передъ выпускомъ, впрочемъ, появилось нѣсколько кадетовъ постарше, изъ семейства коротко знакомаго директрисѣ. Мы обожали ихъ всѣхъ, безъ исключенія. Протанцовать съ этою рѣдкостью было счастьемъ великимъ. Нетанцующіе посѣтители—три-четыре маменьки, изрѣдка учитель съ своими дѣтьми, родственники директрисы,—вотъ и все. Бальныя угощенія открывались шеколадомъ. Два служителя несли его въ ведрахъ, продѣтыхъ на палки, и въ боковой залѣ шеколадъ разливался по чашкамъ. Онъ былъ скверный; немногія пили съ удовольствіемъ. Пило особенно маленькое шестое отдѣленіе, скакавшее всегда свои кадрили въ дальнемъ уголку залы. Вообще мы, маленькія предоставляли болѣе обширное поприще старшему классу...

Помню, что на первомъ балу у Вареньки случилось огорченіе. У нея не было крахмаленной юбки. Казна не отпускала тогда ничего подобнаго для бальнаго туалета ученицы. Надо было запастись дома или сшить свою. Варенька не сдѣлала ни того, ни другаго. Она вошла въ залу въ видѣ бѣлой дудочки, перевязанной красною ленточкой. Вошла, и поскорѣе въ уголокъ. Тамъ было много такихъ дудочекъ. Изъ нихъ одна, самая тоненькая и маленькая, лицомъ черномазая съ торчкомъ

волосъ на маковкѣ, невозмутимо ѣла свою долю *cochonneries*. Это была наша грузинская княжна.

— Qu'est ce que c'est, eh, qu'est ce que c'est? вдругъ послышался голосъ инспектрисы, и рука ея затеребила княжну за поясъ.

Кругомъ привстали.

— Eh, les petites, est-ce que l'on vient ainsi?... Eh, la Gribkoff, mais allez donc mettre des jupes.... eh, des jupes, les petites. Allez donc!

И она удалилась въ перевалку. Дѣвочки спрыгнули съ мѣстъ, и сунулись было въ смежную залу, ища юбокъ.

— Restez, воротила ихъ сухо классная дама. Варенька встала тоже, чтобъ уйдти совсѣмъ въ дортуаръ, но ей не позволили...

Въ этомъ запросѣ несуществовавшихъ юбокъ—вся наша инспектриса. Вообще, я не знаю что̀ она у насъ дѣлала. Хозяйственная часть не лежала на ея отвѣтственности; верховная власть сосредоточивалась въ директрисѣ; за ученьемъ смотрѣлъ инспекторъ классовъ; за моралью смотрѣли классныя дамы. Сколько я помню, въ мои шесть лѣтъ къ инспектрисѣ мало за чѣмъ относились. Судъ и расправа обходились безъ нея; директриса отлучалась рѣдко, и въ ея отсутствіи ее легко могла бы замѣнять любая классная дама. Должность ли эта была безполезна, или инспектриса наша сумѣла сдѣлать ее безполезною? Послѣднее было очевидно. Эта женщина была олицетвореніе безполезности. Было ли это скромнымъ желаніемъ стоять въ тѣни передъ величіемъ директрисы? Можетъ быть; онѣ ладили, хотя та видимо ея не уважала.... Инспектриса только однимъ занималась въ совершенствѣ — шиканьемъ. Она шикала какъ никто: неистово, со свистомъ, шикала на насъ какъ на цыплятъ, не видящихъ коршуна въ поднебесьи.... Мы узнавали ее за версту. Каждый день она приходила въ классъ, при учителѣ, но никогда не предлагала вопросовъ. Посидитъ минутку, посмотритъ кто безъ передника и въ косичкахъ, и уйдетъ. Въ рефектуарѣ она бывало первая, и едва войдутъ пары, уже кричитъ: «chantez le Отче нашъ; les chanteuses, chantez.» Тутъ же такъ, зря, она усугубляла наказанія, уже положенныя классными дамами: дѣвицъ безъ передниковъ и въ косичкахъ выдвинетъ къ столбамъ, и пойдетъ дальше. Особенно ее безпокоила лѣность. «Eh, vous, les paresseuses, ici...» И paresseuses выступали на середину рефектуара. Тамъ часто воздвигался черный столъ,—маленькій

столикъ, безъ салфетки и приборовъ; на немъ черный хлѣбъ и кувшинъ съ водою. Дѣвочки плакали, инспектриса тащила ихъ, суетилась.... Мы замѣтили, что она особенно любила оказывать эту пользу институту.

Кромѣ этой инспектрисы, была еще другая, «инспектриса пепиньерокъ.» А число пепиньерокъ не превышало у насъ двѣнадцати! Дама эта была добрая, но буквально ничего не дѣлала. Пепиньерки тоже ничего не дѣлали, потому что нельзя считать во что-нибудь дежурство отъ пяти до шести часовъ вечера, или изрѣдка за больную классную даму, и чрезвычайно рѣдкія классныя занятія съ дѣвицами.

Инспектриса наблюдала за ихъ поведеніемъ. Трудъ болѣе чѣмъ легкій. Для того чтобы въ нашихъ крѣпко запертыхъ стѣнахъ могло совершиться что̀-либо,—надо было чтобы начальство само потворствовало, или было бы уже совсѣмъ слѣпо....

За пепиньерками могла бы наблюдать и директриса, или по очереди, недежурныя дамы. Было бы все то же. Свободнаго времени у нашихъ властей оставалось очень много, нисколько не посвященнаго юношеству.... Да и посвященное-то время!...

Грустная жизнь! Никто, никогда изъ этихъ старшихъ не собралъ насъ вокругъ себя, попросту, какъ дѣлаютъ добрые люди, сбросивъ чинность, искренно и сердечно.... прочесть вмѣстѣ хорошую книгу, поработать вмѣстѣ съ нами, въ тѣсномъ кружкѣ, посмѣяться нашимъ шалостямъ, потолковать о Божіемъ мірѣ, объ его радостяхъ и горѣ, и о своемъ горѣ... мы за него сумѣли бы полюбить. Но мы не знали ничего подобнаго. Да и не тѣ были люди!

Послѣ Пасхи, въ которую мы немного отдохнули, Анна Степановна опять принялась за свое. Ея сердитое лицо сводило насъ съ ума; мы не знали что̀ дѣлать...

Въ одинъ прекрасный день, Варенька написала слѣдующее: «Милые папа и мама, мнѣ очень скучно, а наша классная дама—вѣдьма, какую вы не можете себѣ вообразить...»

Письмо было отправлено. Но чему оно могло помочь въ настоящемъ? Въ настоящемъ, мы, наконецъ, рѣшились покориться. Такъ въ одно дежурство Анны Степановны намъ точно удалось мастерски просидѣть истуканами. Никто даже не чихнулъ въ несвободное время. Лицо Анны Степановны немного расправилось. Мы дружно удвоили усилія.

Шорохъ шаговъ, шелестъ бумаги, скрипъ пюпитра, скрипъ пера,—все утишилось, замерло, обратилось въ ничто...

Какая странность! съ отчаянія, что ли, или мы прониклись пользой безгласія, но наши усилія стали намъ нравиться. Мы стали даже придумывать, какъ бы перещеголять одна другую Мы сумѣли прожить такъ двѣ недѣли.

Анна Степановна торжествовала.

И въ одно утро, къ крайнему нашему изумленію, она объявила намъ, что директриса, увѣдомленная о нашемъ хорошемъ поведеніи, приказала «наградить» насъ.

Сюрпризъ не вызвалъ въ нашей душѣ и тѣни благодарности. Мы только сбились въ понятіяхъ объ Аннѣ Степановнѣ. Она сама сбила насъ съ толку еще болѣе. Почти съ того времени она видимо перестала требовать того, о чемъ до сихъ поръ такъ усердно хлопотала. Мы стали двигаться, какъ прочія отдѣленія, даже шумнѣе. Страхъ сошелъ съ дортуара, то-есть съ массы; съ тѣхъ поръ онъ являлся только въ частныхъ бѣдствіяхъ, но и здѣсь принялъ другой характеръ...

Сообщая о «наградѣ», Анна Степановна сказала:

— Sachez, mesdemoiselles qui je puis faire tout au monde...

Вотъ это-то самое «tout au monde», часто и не у мѣста повторенное, и подорвало въ послѣдствіи ея власть. Мы подросли, поняли, какой умъ смѣетъ, а какой не смѣетъ приписывать себѣ всесиліе...

Награждены мы были «днемъ въ дортуарѣ». Эта милость, гораздо вѣрнѣе, была дана намъ за прилежаніе. Цѣлый мѣсяцъ мы учились такъ хорошо, что половину класса записали на красную доску...

N.

(До слѣд. №.)